П.66

ПИОНЕР

20

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1933

РЗФ

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

№ 20

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76.

Октябрь 1933

БОРЬБА ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Из выступления т. Постышева на харьковском областном слете пионеров-ударников по охране и уборке урожая

16 лет тому назад управляли страной, хозяйством фабриканты, банкиры, помещики, кулаки, попы, которым и принадлежали фабрики, заводы, банки, земля. Фабриканты, банкиры, помещики, кулаки грабили рабочих, грабили трудящихся крестьян. Рабочие и трудящиеся крестьяне работали на этих грабителей. Все принадлежало этим буржуа, банкирам, заводчикам, фабрикантам, помещикам, кулакам. А наверху сидел царь с министрами, попами, генералами. Рабочие, бедняки и середняки—крестьяне работали на всю эту свору. Работали круглый год, работали всю свою жизнь. Работа была рабская.

Так, дорогие дети, шла жизнь рабочих и трудящихся крестьян. Долгие десятилетия, долгие столетия рабочие в городах и крестьяне—бедняки и середняки—в селах думали, как бы освободиться от своих поработителей, от рабской жизни, как бы добиться того, чтобы устранить от власти кучку богатеев—царя с его министрами, помещиков, кулаков, фабрикантов, заводчиков, банкиров, как бы добиться того, чтобы у власти стоял тот, кто работает сам, чтобы сами рабочие и трудящиеся крестьяне управляли своим хозяйством и страной.

И вот Ленин, великий революционер, учитель, вождь рабочих и всех трудящихся нашей страны, рабочих, всех трудящихся и угнетенных мира, создал могучую рабочую коммунистическую партию, сделал из этой партии железную, непоколебимую силу.

ПОД РУКОВОДСТВОМ ПАРТИИ ЛЕНИНА

Партия Ленина заветную мечту, вековую мечту рабочих, бедняков и середняков, осуществляет на деле, превращает в живую действительность. Фабрики, заводы, банки, землю у капиталистов и заводчиков, у банкиров, у помещиков и кулаков рабочие и бедняки-крестьяне под руководством ленинской партии, т. Ленина, т. Сталина отняли, взяли себе. Царя с его министрами свергли. И вот уже 16 лет управляют рабочие и трудящиеся крестьяне под руководством большевистской партии рабоче-крестьянским государством, строят колхозы, новые фабрики и заводы, создали могучую Красную армию, которая обороняет от всех врагов рабоче-крестьянское государство, строит социализм.

Но вы должны знать, дети, что свергнуть царя, отнять фабрики и заводы у заводчиков и фабрикантов, землю у помещиков, кулаков, у царя и его министров дело было очень сложное, трудное.

Рабочие и бедняки-крестьяне под руководством большевиков дрались с капиталистами, помещиками, царем и царскими министрами, много сложили лучших голов рабочих, батраков и бедняков-крестьян, много погибло рабочего люда, деревенской бедноты, прекрасных большевиков-ленинцев. В этих могилах вы найдете не только взрослых, не только стариков, но и детей ваших лет. И до Октябрьской революции, в дни упорной кровавой борьбы, когда дрались с врагами рабочего дела рабочие и бедняки-крестьяне за власть советов, за колхозное дело, за землю, за фабрики и заводы, за социализм, и тогда были борцы вашего возраста, дети рабочих, дети бедняков-крестьян. И тогда были ударники, передовые дети, которые вместе со своими отцами сражались с врагами дела рабочего класса.

Если сейчас Мити Гордиенки зорко охраняют свои колхозные поля, все вы собираете разбросанные колосья на своих колхозных полях, к вам на помощь приезжают пионеры и дети рабочих из городов, то дети рабочих и бедняков-крестьян того времени подносили сражающимся с генералами, с помещиками, с кулаками, с царем и царскими министрами отцам, матерям, старшим братьям патроны, пищу, воду, высматривали в период гражданской, партизанской войны, где и откуда идет враг, сколько его и как он вооружен. Дети были связью между партизанскими отрядами рабочих и крестьян, переносили почту, приказы и распоряжения командования, красногвардейцев, рабочих полков. Как видите, и тогда дети рабочих и трудящихся крестьян играли большую роль в борьбе за новую жизнь трудящихся, за колхозное дело, за индустриализацию, за власть советов, за социализм.

Борьба, дети, еще продолжается. Она еще не закончена, хотя рабочие и трудящиеся крестьяне уже победили своих врагов. Вот уже шестнадцать лет, как рабочие и трудящиеся крестьяне под руководством ленинской партии большевиков, любимейшего вождя и учителя трудящихся нашей страны и всего мира т. Сталина успешно строят свою рабоче-крестьянскую новую жизнь, строят социализм, колхозный строй, который крепнет с каждым днем и с каждым часом.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ДЕТИ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ!

Милые дети, эта лучшая жизнь в полном своем расцвете, в полном своем могуществе достанется прежде всего целиком вам. Вот почему вам сейчас нужно лучше учиться, быть хорошими трактористами, знать моторы, знать машины, быть хорошими комбайнерами, быть хорошими счетоводами, механиками, слесарями, токарями, инженерами, агрономами, ветеринарами и т. д. и т. п. Такие образованные, грамотные кадры нужны и фабрикам и нашим гигантам-заводам, нужны и колхозам. Вы должны овладеть всеми этими знаниями, чтобы дело строительства социализма шло вперед еще более быстрыми шагами.

Вы знаете только общее, государственное, социалистическое, колхозное, принадлежащее всем трудящимся. Вот что особенно ценно, вот что особенно важно, что является залогом расцвета победившего дела Ленина—Сталина, дела большевистской партии, дела рабочих и трудящихся крестьян. За это дело пионеры Харьковщины и наши гости, приехавшие к нам на слет из Англии и Северного Кавказа, будьте готовы!

Пожелаем нашим гостям — английским пионерам, детям английских рабочих и трудящихся крестьян — добиться того же, чего добились мы с вами.

Да здравствует дело Ленина—Сталина, дело большевистской партии!

Да здравствуют дети великой совстской страны — ударники, строители социализма, охранители священной государственной и колхозной собственности!

Да здравствуют комсомольцы и пионеры всего мира!

Да здравствует ВКП(б)!

Гос. Публичная Библиотека им. Пушкина

ОБЛАСТНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ
3-е отд ГПБ
БИБЛИОТЕКА

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1938 г.
Акт № 861

ДОЗОРНЫЕ

Рассказ Ст. Злобина

Рисунки П. В. Митурича

Вожатый созвал уборочные бригады к пионерскому костру, чтобы поставить вопрос об ударном котле для пионеров.

В яме бурно горела солома, освещая толпу. Впереди у костра прилегли два десятка ребят. За ними сидели и лежали на соломе взрослые колхозники.

Вожатый заговорил:

— В прошлом году у вас была раскрадена с поля половина хлеба. Кулак и лодырь воровали возами. Теперь пионеры охраняют ваш труд от врага. За пятнадцать дней они привели в совет тридцать шесть воров, хотя всем известно, что пионеры караулят, а если бы их не было?!. Тогда бы со всех дорог везли возами... Пионеры работают как ударники...

— И воруют як ударники!—выкрикнула женщина.

— Кто ворует?

— Пионеры крадут чего попадется, — подхватил мужской голос.

— Кто видел? — строго спросил вожатый.

— Уси бачилы. Иди на бахчу, подивысь, як там кавуночки покалечены!—выступил сторож с бахчи, дед Безрукавый.

— Понабрал себе в армию самых бандитов, тай думаешь, що добро диешь, чи що?

— Яки бандиты!?. Хто тут бандит!!? — обидчиво загалдели ребята.

— А Витька Громак! — оборвал их Безрукавый.

— Витька! — закричали другие.

Витя сидел впереди других, ближе всех к огню. Он задорно улыбнулся, блеснув черными лукавыми глазами.

— А коли я воровал, ты меня изловил, чи що?— спросил он весело, повернувшись к старику Безрукавому.

— Чорт тебя изловив!— отругнулся сторож.

— Чорт баштан стерег, а ты трошки поспал!.. — с прежним задором поддразнивал Витя.—Ты, я бачу, тильки хлиб исты умеешь, а стерегти чорта кличешь. Вин сам покалечит кавуночки, да на меня каже...

В толпе засмеялись находчивости мальчишки. Все были уверены, что это именно Витька под носом у сонного старика воровал арбузы, но за веселую находчивость ему невольно прощали все.

Собранье закончили, порешив дать пионерам ударный котел.

После собранья вожатый подозвал Витю.

— Ты крал кавуны?—спросил он.

— Крав,—усмехнулся Витя.

— И горох и фасоль крал?

— Усе крав, що зараз исты можно.

— Как тебе не стыдно! Ты же пионеров позоришь, тебя поставили часовым, а ты крадешь!.. Если еще заметим, исключим тебя; нам таких не нужно.

Витя ждал затрещины и не получил. Только это и заставило его смолчать, но про себя он возмущался:

— Хиба я кобылу чи корову крав, а не кавун!

На следующее утро попал он в дозор вместе со звеновым Шурой.

Витя боялся, что после вчерашнего за ним будут следить. Он целые полдня крепился, чтобы не украсть по нечаянности дыню, и только совсем перед обедом с краю участка нарвал фасоли, насовал за пазуху, вернулся обратно к вышке и забрался в шалаш.

— Ты что? — спросил Шура.

— Голова болит. Напекло...— Он лег, чтобы Шура его не видал, и с удовольствием давил языком о небо мягкие сладкие зерна.

— Что ешь?—догадался Шура.

— Стой, стой!.. Годи!.. — вдруг закричал Витя, и, не слушая, помчал на дорогу. Шура вскочил за ним.

— Что в чувале? — крикнул Витя, первым подскочив к женщине, шедшей по дороге с мешком.

— А тебе что за дело?!.

— Як то нам що за дело! Мы пионеры на охране урожая,— ткнул себя Витька пальцем в значок,— бачишь? Нам треба всех труситы, як хтось чего несет з поля...

— А, идить вы! — отмахнулась селянка.

— Стой!.. Кажи, що в чували! — крикнул Шура, схватив ее за рукав.

— Вот прилипы? Ну що в чували, ну скажу — щавель...

— Брешешь! Щавель не шуршит.

Женщина ткнула Шуру в грудь кулаком и бросилась прочь, Витька подпрыгнул и крепко повис на мешке. Она скинула мешок, но тут Шура вцепился в юбку. Баба отчаянно дралась. Затрещины сыпались на обоих ребят. Когда подоспел вожатый, придя проверять пост, он сразу понял, в чем дело.

— Что в мешке? — спросил он вдруг присмиревшую бабу.

— Колоски...

— Где взяла?

— В степу,—призналась она.

— Идем в совет,—распорядился вожатый. Ребята и женщина пошли за ним.

— Ну как дела?—спросил вожатый.—Еще поймали кого-нибудь?

— Сегодня кроме нее ни одного вора не было,— сказал Витя.

— А це другий!— вдруг возразил Шура.

— Где? Кто это? — удивился Витька.

— Да ты,— подтвердил Шура.— У тебя в пазухе фасоли

Витя покраснел. Он никак не ждал, что Шура заметил... а главное — перед женщиной, перед воровкой, которую сам же Витька поймал.

Затрещины сыпались на обоих ребят

— Ну показывай где?—повернулся к нему вожатый.

— Немае,—уперся Витя и закрыл грудь и живот руками.

— Врешь, показывай,—вожатый взял его за плечо.

— А хиба забоюсь!?— дерзко выкрикнул Витя; он отстегнул пояс. На землю выпало с десяток отборных стручков.

— От фасоли, да!.. Це фасоли!—воскликнул он задорно, как бы выхваляясь.

*

После обеда пионеры обсуждали поведенье Вити.

— Нехай себе иде вид нас куды хочет...

— Воры с колхозного поля — билогвардейцы. В пионерском отряде не треба контриков та бандитив...

Витя слушал, потупясь. Он едва сдерживал слезы и раскаянье готово было сорваться с его языка...

— Нехай вин думкой раскинет да прийдет поклонится, а мы ще тоди помыслимо, взять его назад чи не брать...—предложил Костя.

Витя вспыхнул:

— Я тебе не поклонщик! Сидыть у своем отряди, а я и сам погуляю без вас да и кавунчики исты буду, и табак курить... и дыньки!..—вдруг крикливо добавил он. Он встал, отстегнул значок охраны, кинул вожатому и, ломаясь, пошел прочь...

*

Нехитрая машина — азовская рыбачья байда. Ее легко вести на веслах, и еще легче скользит она под парусом при попутном ветре.

Попутный ветер после заката уносит отцов на 5—7 суток в море, а сыновья остаются... Жене, сестре, матери рыбака не уследить за сорванцом-рыбачонком, его не приучить ни к огороду, ни к полю. Он смотрит за батькой в море и мечтает стать капитаном. Безнадзорная ватага таких ребят—это гроза слив, яблоков, арбузов, дынь...

— Вор, вор! Во-о-оры!—сторож с дубинкой свирепо несется за бандой разорителей, да где ему!..

Бахча или кукурузник, пчельник или курятник— единоличный или колхозный — им все равно... Витька Громак был их коноводом. Он сам бросил школу, курил и крепче других ругался. Он никогда не мог утерпеть и не украсть, что «плохо лежит».

Каково ему было подряд две недели стоять на вышке да крепиться, чтобы нечаянно как-нибудь не залезть на бахчу за дыней...

*

Две недели назад в такой же знойный день он впервые узнал о том, что на свете есть пионеры.

Двое ребят подошли к Витьке, когда садился он в отцовскую байду.

— Возьми нас покататься, Вить.

— А что дадите?

— А чого ты хочешь?

— Давай свою медалю, и свезу.

— Яку медалю?

— Которая на груди.

Пионер покачал головой.

— Не можу,— серьезно сказал он.

— А що це таке?—не поняв значения «медали», спросил Витя.

У обоих ребят на груди висели большие медные бляхи, настоящие медали с серпом и колосьями, с надписью: «Охрана урожая 1933 года».

— Мы пионеры!—важно пояснил Костя, сын предсельсовета.

— А що це таке «пионеры»?

— Партейны люди, большевики.

— Хиба хлопцы можут быть у большевиках?—недоверчиво удивился Витя.

— Бачь!—гордо усмехнулся Костя и ткнул пальцем в медаль.

— Бачь!—повторил Сеня и тоже ткнул себя пальцем в грудь.

— А кильки надо платить, щоб с вами буты у партии?—спросил Витя.

— Нэ кильки. Тебе не приймут. Ты ж рыбак, а наша партия для охраны урожая мужицькая...

— Вид кого охраняты?

— Вид рвачей, спекулянтов, лодырив и вид кулаков...

— А як охраняты?

— С гвинтовкой. Становись в поли та охраняй...

— А де же ваши гвинтовки?

— Немае...—смущенно признался Костя.

— Тоды я тоже партейный. У меня тоже нету гвинтовки...— усмехнулся Громак.

— Ты, Витя, приходи утром, як мы соберемся уси, так з вожатым и побалакай, щоб тебя прийнялы,— посоветовал Сеня.

И на завтра Витька стал дозорным. Он охранял урожай от воров, но не мог одолеть себя, мучился целыми днями в дозоре, носил, как оковы, свою «медаль» и вот снова теперь почуял свободу...

*

Он брел по селу, засунув руки в карманы. Солнце жгло.

Боясь, что мать позовет домой, Витя обошел задами село. В садах широкие ветки склонялись почти до земли под тяжестью спелых плодов. Витя только тогда заметил, что забрался в чужой сад, когда выскочила соседка. Под ее крики он сорвал штук шесть лучших яблок и, перепрыгнув через забор, сбежал к морю.

Приложив козырьком ладонь, он всматривался вправо и влево. Ребят на море не было. У берега стояла пустая байда. Витя забрался в нее и лег на дно...

Он проспал недолго—солнце жгло. Едва успев проснуться, он скинул штаны и рубашку и спрыгнул в воду. Купаться было нехорошо: по колено ил, и вода только ниже пояса. Итти до глубокого места водой далеко. Витя вылез и стал одеваться. Невдалеке выскочила рыба. Он бросил в нее самым крупным яблоком и широко зевнул. Стало скучно. Он вышел из лодки и лениво поплелся в село.

Хотелось пойти к Андрейке Карасюку или к Борису Ночевкину—самым удалым из витькиной шайки. Он зашел к Андрейке.

Прасковья Карасиха возилась под навесом с починкой сети.

— Ты что?—оглянулась она.

— Андрейку.

— Ушел вже до вас... Я его не пускала, да плачет, просится... Боря Ночевкин тоже за ним прийшов. Оба с обеда и ушли к пионэрам...

Витька досадливо сплюнул и хлопнул калиткой..

Дома оказалось все кругом заперто. Значит отец еще в море, а мать пошла в поле полоть. Витя подергал дверь и громко, нехорошо выругался...

Хотелось пить. Набив полную пазуху жарделей и выбрав тройку хороших огурцов на огороде, он не забыл стянуть в курятнике пару яиц, вышел на двор и побрел в степь... Солнце садилось. Дневная смена бригад возвращалась в село. Обгоняя Витю, спешили колхозники на вечернюю смену.

На вышке среди копен стояла Галя Овсюк с бляхой на груди и красным нарукавником.

«Как воробей на тычине»— усмехнулся Витя.

Он свистнул. Галя оглянулась.

— Вор, вор!..—крикнул Витька.—Лови!..—он ждал ответной шутки, смеха, но девочка не хотела шутить.

— Сам ты вор!..—отозвалась она и отвернулась.

Витька вспыхнул от досады. Стараясь скрыть смущенье, он поднял мелкий камешек, швырнул в нее и видел, что камешек пролетел мимо.

Витька часа полтора глазел на работу комбайнов и решил—он не будет ни рыбаком, ни контрабандистом, ни трактористом, ни летчиком, как хотел раньше, а лишь комбайнером...

Он шел по степи. Жесткая щетина жнитва колола ноги. Темные концы торчали, как головы великанов, спрятанных в землю.

Одиночество наступало из копен, из далеких звезд, с шумящего моря... Теплый степной ветер донес от пионерского костра вечернюю песню, и даже на миг показалось — запах дыма...

Он повернулся к костру, решительно сделал десяток шагов, но, вспомнив случай с Галей, вернулся назад и лег опять на копну...

Звезды, далекие и теплые, мигали в небе. Легкий ветер шелестел в соломе, навевал грусть.

Витька курил, сплевывая через зубы. Когда цыгарка догорела, он забрался в копну и заснул...

Ему приснилось, что через степь крадется огромная бабища с саженными ножницами, а он бежит в бригаду, созывает пионеров и колхозников, и целая облава несется по степи, а впереди всех он сам, и он ловит бабищу с настриженными колосками, а потом на большом собрании его все хвалят, и сам начальник политотдела, и ему дают премию — сапоги, пионерский костюм, как Мите Гордиенко, и еще часы, а вожатый возвращает ему бляху охраны урожая.

*

Витька сидел на дороге. Мимо него проходили люди в степь, проехали водовозы, прогремел грузовик с зерном от молотилки.

С дороги послышалось пенье — это в степь шли пионеры. Витя только было бросил цыгарку, но вдруг встрепенулся, свернул новую и важно, пуская дым, нос кверху, зашагал навстречу отряду. Ребята узнали его издали.

— Витька!—крикнул Андрейка Карасюк.

Витя сплюнул и снова затянулся цыгаркой, всем видом изобразив презренье, но отряд прошел мимо. Не оглянулся даже Борька, словно и он был в отряде, когда исключили Витьку. Витька затосковал. Его

— Ну, показывай, це?—повернулся Витька вожатый

окончательно перестала радовать свобода. Он шел по степи, не замечая расстояния, не глядя по сторонам. Среди душного моря хлебов у дороги он заметил шалаш и рядом дозорную вышку. Она была пуста. Пионеры верно перекинули дозор на другую сторону, считая, что здесь управятся одни колхозные сторожа.

Вправо пшеница, влево фасоли, горох, бахчи, кукуруза. При дороге, в углу, на фасолях шалаш сторожа, деда Безрукавого. Из шалаша, как всегда, пятками вверх торчат разутые ноги. Витя усмехнулся, вспомнив, как две недели назад, накрав гороху с участка Безрукавого, ребята с'ели заодно картошку из его чугунка, насажали в чугунок лягушек, а к обеим ногам старика привязали по большому арбузу.

— «Бисова душа», — вспомнил Витька поговорку старика.— Опять у тебя, бисова душа, чорт баштан стережет!

И вдруг он увидел в пшенице двух «чертей» сразу. Оба бородатые, один хромой. «Черти» тащат что-то тяжелое. Витька узнал в них братьев Дорошенок—кулаков, выселенных из колхоза и бежавших из ссылки. Они скрывались где-то поблизости. Кое-кто их встречал. Говорили о них со страхом. Витька понял, что они крадут с безлюдного участка хлеб. Припадая животом к земле, он подполз ближе и стал следить.

*

Отряд легкой кавалерии с утра отправился проверять сторожей. На участке сторожа Майбороды было произведено целое нападение. Пионеры крались между гряд, как на фронте. Вожатый хотел сделать сразу два дела: проверить караульщиков и провести военную разведочную игру. Ребята хитрым кольцом окружили участок Майбороды, но как ни старались прятаться, зоркий старик заметил двоих и погнался за ними. По пути наткнулся он еще на двоих и потом вместе с пионерами смеялся и рассказывал о гражданской войне и как он был разведчиком на Деникинском фронте. Но слушать рассказ было некогда. Надо было вести разведку дальше. Целое звено разведчиков, рас-

Целая улица глядела на Витьку, как на вора

пределив места, охватило кольцом большой участок хлебов, бахчей и кукурузники.

Начальник разведчиков, звеновой Шура, перебегая, переползая и прячась, подводил свой «взвод» к неприятельскому посту. Передние разведчики уже заметили знак полной беспечности неприятельского лагеря—черные неподвижные пятки старика Безрукавого. Разведка получила задание—унести все, что можно из шалаша и связать ноги сонного сторожа. Впереди пробирались Галя Овсюк и Андрейка. Они пробрались почти к самому шалашу, когда заметили среди пшеницы прячущихся бородачей. Андрейка окликнул Галю. Галя дала ему тумака и цыкнула. В другое время Андрейка не спустил бы девчонке, но тут притих.

— Ползи назад до командира. Это настоящие воры,—смекнула Галя. Андрейка вернулся к Шуре.

— Шурка, Шурка,— торопливым шопотом позвал он.

— Товарищ командир, а не Шурка, — важно поправил звеновой.

— Да ты слухай, там воры.

— Где воры?—насторожился Шурка.

— Два мужика у пшенице,— сообщил Андрейка.

Шура мигом перебросил разведку в сторону пшеницы, только двое продолжали ползти к шалашу, чтобы тихонько разбудить сторожа и не упустить воров. Сам Шурка скользнул в подсолнухи и заспешил с донесеньем к вожатому Коле на участок Майбороды.

Но Безрукавый не спал: он издалека заметил на дороге Витьку.

«Ага, бисова душа, опять кавуны калечить!.. Я ж тебя изловлю!»— пригрозил он про себя и забрался в шалаш. Он лег и выставил ноги наружу, притворяясь спящим. Через щелку был виден из шалаша почти весь баштан. Безрукавый ждал появления Витьки, как вдруг в пшеничном массиве увидел людей, которые воровато приседали, что-то волоча на бахчу. Безрукавый сразу забыл о Витьке: он узнал раскулаченных Дорошенок. Надо было вылезти из шалаша, но старик побоялся: «а вдруг убьют!» Он решил следить, не шевелясь.

Федор Дорошенко вдруг побежал, пригибаясь к земле, с какой-то ношей, выскочил на бахчу с двумя тяжелыми мешками, торопливо пересек ее и скрылся в кукурузнике. Старик не шевелился. Он понял: воры настригли пшеницы, побоялись вынести на дорогу, а теперь прячут в кукурузник, чтобы ночью вытащить к морю и перевезти в лодке. Федор Дорошенко спешил назад, и слышно было, как трещали на его пути кукурузные стебли. Хромой, пригибаясь, тащил ему навстречу еще мешки. И снова Федор поволок их в кукурузник, а хромой поковылял назад в хлеба.

«От, бисовы души, целый гектар настригли, чи що!..»— воскликнул про себя сторож, удивляясь, когда Федор Дорошенко пронес мимо в третий раз два тяжелых мешка.

— Дедушка, не спите?—услыхал шопот Безрукавый. Это Галя Овсюк добралась до его шалаша.

— Не сплю, дочка,—отозвался он.

— Бачите, кильки воны хлеба покрали?..—прошептала Галя.

— Бачу, бачу... Богато покрали, бисовы души!..— проворчал он и увидел, что оба кулака уходят в пшеницу, верно кончив свою «работу».

— Пийдем, зараз все чувалы унесем назад.

— Пийдемо, дедушка.

Старик и двое пионеров, припадая к земле, чтобы их не заметили воры, шмыгнули в кукурузник. В густых стеблях приходилось бродить и разыскивать, куда вор положил мешки. Они бродили, перекликаясь, и не находили. Каждый прислушивался и вглядывался в густые заросли между стеблей. Вдруг Андрейка заметил кого-то, он подобрался ближе. Треща в кукурузе, от него уходили, как бы сами по себе, мешки, набитые хлебом. Человека не было видно. Андрейка обалдело метнулся к союзникам, и все трое бросились в погоню...

*

Витька стоял перед столом председателя сельсовета, опустив глаза. Вокруг шумели и галдели пионеры. У крыльца толпился народ, окружавший тачанку, в которой привезли Витьку и кулаков Дорошенок.

Пионеры были возмущены больше всех: Витьку, их вчерашнего товарища, поймали с двумя мешками настриженных колосков. Он помогал кулакам. Когда его исключили из отряда, все ждали, что он пожалеет, одумается. Ведь все-таки все они воровали яблоки, арбузы, горох, а потом поняли, что нехорошо, и перестали. Думали, что Витька тоже поймет, и вдруг оказалось, что он стал только хуже.

— Хлопцы, киш отсюда! — окликнул ребят председатель.

— Идите, идите, ребята. Не мешайте работать,— сказал вожатый. Пионеры нехотя, медленно и шумно высыпали на крыльцо. Витя остался перед столом председателя.

— Ну ты, молодой пидкулачник, ты ж только вчора пионером був, а сегодня вже бандитам помогаешь,— пристыдил его председатель,— як же це стало?

— Меня ж с пионеров прогнали,—угрюмо буркнул Витя и снова потупился.

— А ты до кулаков пийшов, хлиб красты? Як же тебе не стыдно?!

— Я не пийшов,—возразил Витька. Глаза его были полны слез.

— Як же не пийшов, когда тебя с колосками пиймалы?

— Вин и всегда вором був. Таких надо в малолетнюю колонию садыты, а не в колхозе держать... Воны шесть чувалов протащили в кукурузу, а Витька вже четыре чувала комусь на байду поспел передать... — заторопился старик Безрукавый.— А кому? Звистно кому — батьке своему, старому Громаку, — догадался он.—Его батька тильки, тильки с моря пришел. Все воны рыбаки така публика, що держись!..

Витька вдруг подскочил к нему с кулаками:

— Брешешь, брешешь старый! У тебя в шалаше четыре чувала колоскив лежить! — крикнул он сквозь слезы.

— Что ж их туда чорт принес до моего шалаша?— спросил Безрукавый,—чи я сам вор?

Витька вдруг озорно усмехнулся сквозь слезы:

— Ни, дедушка, чорт баштан стерег, а вы трошки спали, а четыре чувала я из кукурузы до шалаша принес и остатны взяв, да тут меня и настиглы. Я думал Дорошенки за мной гонятся, а вы меня изловилы да в сельсовет. — Витька всхлипнул, —меня... —он снова всхлипнул и не мог говорить о том, что его посадили в одну тачанку с Дорошенками и что на него глядели, как на вора, все колхозники и целая улица была запружена людьми.

— Зачем же ты мешки таскал?—спросил вожатый.

— А хиба их ворам оставить лучше було? — воскликнул Витька. — Я ж не можу все чувалы зараз в сельсовет отнести... Думал, дедушка мне поможет...— голос Витьки прервался.

— Я думал зараз шесть чувалов сдам в сельсовет, вы меня тоди як... героя...— Витька не договорил и снова всхлипнул.

— Ну что, что «герой»? — спросил председатель, усмехаясь.— Премии захотел, чи що?

— Да ни, дядя, не премию... Я думал меня тоди назад в пионеры примут... И бляху... Бо я больше не стану кавуны красти...—из глаз Витьки вдруг полились неудержимые слезы.

— Что ж тебе скучно без пионеров самому гулять?—спросил председатель.

Витька не ответил, он тер кулаками глаза и размазывал черные разводы по загорелым щекам.

— От бисова душа, ты б мне сказав, я б и помог тебе,— проворчал Безрукавый.

— А я ж тревожить не хотел,—пояснил Витька лукаво.—Думаю, хай дедушка спит, я вже за него украраулю.

Вожатый хлопнул Витьку по плечу.

— Ну, ладно, Витюк, садись на тачанку, да вези свои чувалы, а как привезешь, так айда обедать с нами, да в дозор пора.

Витька не дослушал. Он выскочил из совета, прыгнул на тачанку и лихо хлестнул по задам лошадей вожжами. Впереди уходили пионеры.

— Пацан, стой, стой, годи!.. Витька! — кричал, ковыляя, Безрукавый.

Витька мчал дальше, стараясь догнать ребят.

— Эй, пионер!

Весело скаля зубы, Витька оглянулся, остановил коней и дождался, пока старик заберется в тачанку.

— Погоняй, пионер! — поощрил старик, и кони помчали.

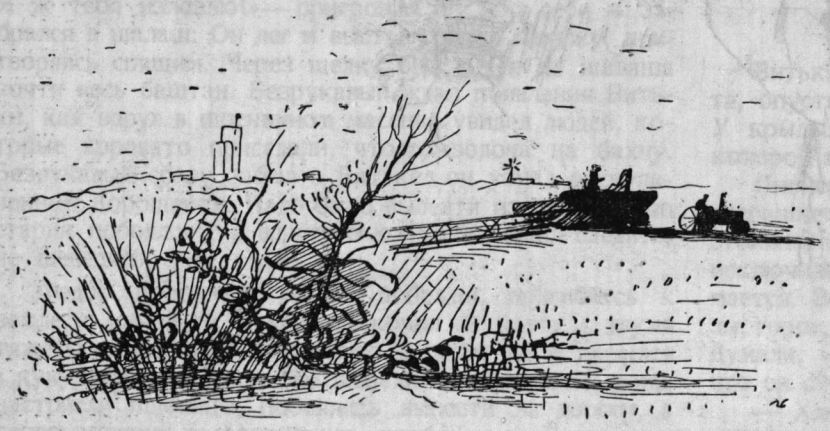
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Борис Хольцман — комсомолец, работник газеты «Трактор», одной из лучших политотдельских газет Московской области. Два его стихотворения из цикла «Большевики политотдела» напечатаны в «Правде», одно печатаем мы.

Стихи Бориса ХОЛЬЦМАНА

Рисунки ГЕОРГИЯ БЕРЕНДГОФА

В комнате начальника
дым и жар.
На столе начальника
сводки лежат.
В комнате начальника
ребят полно,
Это начинается
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ.
К освещенным окнам
скачут гонцы,
У открытой двери
стучит мотоцикл.
Тени дрожат —
сплошное кино!
Это шагает
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ.
Это уборки
ПОСЛЕДНИЙ этап,
Это ПОСЛЕДНИЙ
процент до ста,
Это костяшки
на счетах скачут.
Это кончается
хлебосдача.
Днем по району
скрип шестерен.
Молотьбу заканчивал
днем район.
День в голове
еще не остыл,
Мы дорубали
«концы» и «хвосты».



И к обеду — тринадцать!—
шеренга росла,
Полностью кончили
годовой свой план.
Их соревнованья
сила сплотила.
Оставалась только
одна молотилка.
Молотилка стояла,
рвались ремни.
Подавальщика
нужно было сменить.
И тогда,
как на кафедру лектор,
К барабану
полез «дипектор».
Директор стоял
и показывал класс.
Золотистой струей
пшеница текла.
Летели снопы вереницей —
ПОСЛЕДНЯЯ шла
пшеница.
Начальник ставил,
как нужно, людей,
Был боевой и яростный день.
И к вечеру
твердый был перелом
И конвейером
вечером зерно пошло
И по холмам,
по ярам,
по лощинам.
К МТС поперла наша машина.
И вот у начальника
в комнате жар.
И вот у начальника
сводки лежат.
К освещенным окнам
едут гонцы,
У раскрытых дверей
стучит мотоцикл.
Как всегда, у начальника
полным-полно:
В самом разгаре
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ.

В комнате начальника
духота, жар,
Сгрудились мы все
у порога.
На столе начальника
сводки лежат,
На часах
половина второго.
И в сотый раз
на счетах стучит
Директор,
бессонный даже в ночи.
И вдруг
постучали тихохонько в дверь,
Проходят секунды,
минута,
две.
И в двери — тишайшее личико
И ждет, прислушивается к разговору.
(Такая... уж... это... привычка).
Председатель колхоза
Аким Егорыч.
И он говорит: «Товарищ начальник!
Ты знаешь,
мы прямо не спали ночами,
Но ты понимаешь,
наш счетовод
И сами — все мы четверо —
чуть-чуть просчитались.
Больше того,
Хвостик... в пятнадцать центнеров».
Сказал, и сразу все замолчали,
И слышно, как тихо свистит начальник.

Некогда мне тебя даже излаять,
Последние центнеры букринцы везут.
Эх ты! Шляпища ты удалая!
А не вожак! Ни в каком глазу.
Немедленно пять подводчиков выставь.
Смотри! Чтоб правильно сосчитал.
Шагай! Собирай-ка своих коммунистов,
Я знаю, они тебе не чета.
До шести осталось четыре часа,
Придется, ребята, «еще пожаться».
Наляжем, пока не схватила роса,
Но к рассвету вывезем и эти пятнадцать.
И директор
опять показывал класс
И опять пшеница
струей текла.
Летели снопы вереницей —
ПОСЛЕДНЯЯ шла пшеница.
И хлеб был, товарищ, до срока сдан.
И над МТС пламенела звезда.
И отражалась в рамах,
Когда пошла ТЕЛЕГРАММА:
«МОЛНИЯ. ДВА АДРЕСА. МК—КАГАНОВИЧ
РАБОЧАЯ МОСКВА—КОВАЛЕВ
НА БОЕВОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОСНОВЕ
ОГОНЬ СОРЕВНОВАНЬЯ КОЛХОЗЫ УВЛЕК
НА ДЕСЯТЬ ДНЕЙ РАНЬШЕ ВАШЕГО СРОКА
ХЛЕБ КОЛХОЗАМИ СДАН.
УЧИМСЯ НА ПРОШЛОГОДНИХ УРОКАХ.
РОЖЬ И ОВЕС В СКИРДАХ».

Делайте первые шаги сейчас

Несколько советских изобретателей и ученых написали свои автобиографии. Они напечатаны во второй книжке сборника «Год шестнадцатый». И начало большинства автобиографий похоже друг на друга.

Каждый из этих людей еще в детстве заинтересовывался той отраслью науки или техники, в которой через несколько десятков лет он становился большим мастером. Академик Келлер пишет:

—Помню себя страстным натуралистом уже с ранних детских лет. Насекомые, растения, минералы, раковины — все это вызывало во мне какой-то особенный внутренний трепет».

Изобретатель Вдовин рассказывает, как, попытавшись изучить гончарное дело, он сначала чуть не сжег дом, а потом уже по-настоящему сжег баню.

Физик Дорфман вспоминает, как он пытался разгадать тайны магнита и волчка и как он разрешил эти тайны, когда стал ученым.

Профессор Визе описывает, как книга Нансена о полярных путешествиях, которую он прочел студентом, превратила его из химика в полярного исследователя.

Эти воспоминания ярко показывают, что изучение любимого предмета уже с детства помогло очень хорошо овладеть им.

Сейчас ЦК комсомола, Наркомпрос и техпроп Наркомтяжпрома об'явили всесоюзный конкурс на лучшую техническую модель и лучшее техническое изобретение ребят.

Для лучших техников и изобретателей премии: поездки на новостройки, путешествия по СССР, киноаппараты, фотоаппараты, велосипеды. Конкурс кончается 1 мая 1934 г. и после него будет устроена выставка моделей и изобретений.

Принимайте участие в этом конкурсе. Воспитывайте в себе любовь к технике, знание ее. Подготавливайте из себя мастеров и творцов науки и техники.

Открытие острова в кабинете

В 1924 г. известный полярный исследователь Визе напечатал карту Арктики. И около Земли Франца-Иосифа и Северной он написал: «Здесь должен быть остров». Догадался же он об этом острове тогда, когда изучал по карте дрейф судна «Святая Анна», в 1912—13 г. замерзшего во льдах и увлекаемого ими на восток. Зигзаги судна убедили Визе, что недалеко должен быть остров.

Через 6 лет, в августе 1930 г., в этом же месте находился ледокол «Седов». Вечером 13 августа капитан Воронин спустился с мостика и об'явил:

— Земля впереди!

Это и был остров Визе. Визе пишет об этом острове:

«Не скрою, что я был очень обрадован, когда «Седов» действительно обнаружил там остров. Вид самого острова обрадовал меня впрочем мало, потому что более унылой земли мне не приходилось встречать».

Почему пшеница не растет на севере?

Есть такие карты, которые показывают распространение растений на земном шаре. Одним из самых смелых растений является ячмень. Он забирается далеко на север, и все же и он не осмеливается заглянуть за Полярный круг.

Почему?

Раньше думали, что на севере ни овощи, ни ячмень не могут расти потому, что там мало солнца, слишком короткое лето. Но последние опыты советских ученых показали совсем другое. Наоборот, там слишком много солнца, и оно не дает вызревать овощам и ячменю.

Летом полярный день длится целые сутки. Почти все время солнце там не заходит. Хотя оно и не очень греет, зато дает много света. А растения привыкли по ночам отдыхать от света. Находясь все время, без отдыха, под солнцем, они не могут вызревать.

Поэтому чтобы вырастить овощи на севере, их приходится на некоторое время покрывать, и тогда они вызревают быстрее, чем на юге.

Пневматоракс

Туберкулез губит миллионы людей. С ним борются десятками способов. Один из них — пневматоракс. Раньше лечили им так: разрезали тело около легких и вводили под него воздух, который сжимал больные легкие.

Теперь же пневматоракс делают почти без боли.

Между ребрами вводят пустую внутри иглу и через нее вдувают воздух. Так как воздух рассасывается, то его нужно вводить снова каждые 10 дней. Через 2-3 года такого лечения туберкулез исчезает. Советский доктор Слободяник изобрел недавно такой аппарат, с помощью которого вдувание воздуха можно делать дома у каждого больного.

Двести китов

На Дальнем Востоке плавает по морям единственный в СССР завод. Это—китобойное судно «Алеут». В прошлом году оно было построено в Ленинграде, а затем отправилось вокруг света в Ленинград. По дороге состоялись его испытания—к югу от Мексики «Алеут» увидел фонтаны в море. Это шла стая китов. Три небольших китобойца погнались за китами. У пушек с гарпунами стоят гарпунеры. Тщательно прицелившись, они стреляют. Из дула пушки вылетает гарпун с привязанной к нему веревкой. С помощью этой веревки убитого кита подвозят к «Алеуту».

По спускающейся в море наклонной палубе кита поднимают на судно. Там из него вытапливают сало, вырезают ценный китовый ус, а из мяса на «Алеуте» же делают вкусные консервы, похожие на мясо коровы.

Уже по дороге во Владивосток «Алеут» добыл 22 кита.

В этом году «Алеут» уже добыл около двухсот китов.

Сейчас строятся еще два таких китобойных завода, только почти в два раза больше «Алеута».

Удивительная электростанция

Удивительная электростанция построена в коммуне им. Шевченко, Нововасильевского района, Днепропетровской области. К ней не подвозят ни угля, ни нефти, ни торфа, и все же она дает ток в избы колхозников. Она работает на природном горючем газе. Около станции в земле пробуравлена скважина. Из нее по трубам газ поступает в топки котла. Станция дает очень дешевый ток, так как нет расходов на топливо. Все сельскохозяйственные работы в коммуне—молотьба, пахота, доение коров и т. п.—переводятся на электричество.

Неведомые лучи

Вы все слышали о полетах стратостатов. Одна из задач этих полетов — изучение космических лучей. Эти таинственные лучи приходят на землю из мирового пространства и обладают большой силой (ученые говорят «жесткостью»). Они проникают сквозь слой воды толщиной в 70 метров. Изучение этих лучей помогает раскрыть тайну атома. Советские ученые делали опыты над этими лучами в различных местах: поднимались на Эльбрус, опускались на подводной лодке, в дуле артиллерийского орудия, в башне броненосца.

Советский шоколад

Дерево какао—очень нежное дерево. Не хочет оно расти в советском климате. Во всем Советском союзе есть только одно какаовое дерево, да и то растет оно в Ленинградском ботаническом саду. Из плодов дерева какао делают вкусный, очень питательный напиток какао, изготовляют шоколад. Советские ученые взялись приучить какао к советскому климату. В Ленинграде на столе директора 1-й конфетной фабрики лежат шесть плиток шоколада. Это первый шоколад плодов советского какао.

Ученые в особых теплицах разводят отростки от какао. Скоро в Закавказьи в таких теплицах будут посажены сотни какаовых деревьев. Скоро у нас будет советский шоколад.

Научная хроника

■ *В Черном море подводные камни рвали сети рыбаков. Работники экспедиции подводных работ „Эпрон" взорвали эти камни на пространстве 1 млн. кв. метров.*

■ *Чем выше напряжение тока в электросети, тем меньше его потери, тем меньше провода нужно, чтобы отправлять его на дальнее расстояние. Сейчас в Ленинграде закончены опыты по сооружению первой в мире электросети напряжением в 300 тыс. вольт.*

■ *В Самарканде рабочий гелиостанции (работающей от лучей солнца) т. Поштар изобрел солнечную кухню, нагреваемую солнцем. Мясной борщ на ней сварили за 2 часа, а кашу с мясом за 50 минут.*

■ *Из водорослей сибирских озер начали делать вату.*

■ *На Таймырском полуострове советская экспедиция нашла письма участников экспедиции Амундсена в 1918 г.*

■ *15 самолетов перевозят заготовленные в горах Закавказья орехи на железнодорожную станцию Цнорис-Цхали.*

Инженер Гидролюбов фантазирует

Дядя сердится

— Не хочу! Не буду! Не пойду! Ни за что не пойду в вашу проклятую страну! Там у меня прежде всего свалятся калоши. Потом развяжутся шнурки, и мои желтые ботинки окажутся на тротуаре. И наконец носки: даже они упадут с ног, и я останусь босой. О брюках не говорю: слетят, непременно слетят! Я уверен, что эта штука меня быстро разденет догола. И притом я буду валяться на тротуаре без очков, полуслепой! И встать на ноги мне будет невыносимо трудно! Чего доброго меня примут за горького пьяницу или за щенка, за слепого новорожденного щенка, выброшенного на скользкий лед. Нет, благодарю вас, дорогой племянник! На это я не пойду! Слышите—не пойду! Я не хочу жить в вашей дурацкой стране!

Инженер Гидролюбов размахивал руками, сдвигал с носа очки, даже топал ногами. И, строго говоря, из-за пустяка. Из-за незначительной размолвки со своим племянником Юркой... Однако надо рассказать все по порядку.

Чудо на пароходе

Инженер Гидролюбов переезжал с дачи в Москву. Несмотря на скверную погоду, на дождь и слякоть, он заявил, что поедет на пароходе. Только на пароходе и никак не иначе! Пришлось подчиниться: разве можно спорить с этим упрямым чудаком?

Гидролюбов, Юрка и чемоданы взгромоздились на палубу. В конце концов это даже не так плохо: Юрка первый раз едет на пароходе, он осматривает его со всех сторон, поднимается на капитанский мостик, знакомится с штурманом, и узнает, что пароход весит 50 тонн и идет со скоростью 23 км. в час. Сейчас он стоит наверху,— руки в карманах, физиономия гордая и презрительная, как у старого морского волка, — и смотрит, как пароход пристает к пристани. И вот тут-то происходит то, что послужило потом причиной размолвки между дядей и племянником.

Итак, пароход подходил к пристани. Подходил, как полагается, бортом. Уже каких-нибудь 2—3 метра отделяют его от причала. Но пароход продолжает двигаться. Рядом с пристанью стоит большая тяжелая баржа, груженая капустой. Пароход идет прямо на нее. Вот сейчас он врежется носом в баржу... Сейчас произойдет авария!.. Юрка не умеет плавать. Юрка трусит. Он кричит что-то капитану. Но капитан не слышит. И Юрка видит: матрос бросает канат на пристань. Канат ловит мальчишка—такой же малыш, как Юрка: лет 13—14. Он быстро обматывает канат три раза вокруг железной тумбы. Только обматывает — и никаких узлов! Потом, пригнувшись к земле, старается удержать пароход одной рукой.

В юркиной голове мелькает цифра—50 тонн. Ведь это 3 тыс. пудов! 50 тысяч килограммов! Сейчас канат выскользнет: разве мальчишка может удержать его?

— Тонем! Спасайтесь!

Канат натягивается, как струна, и... пароход останавливается. Мальчишка спокойно укрепляет канат, вынимает из кармана яблоко и сплевывает кожуру в воду.

Юрка кубарем слетает вниз на палубу.

— Дядя, видели?

— Что?

— Чудо! Мальчишка-силач! Одной рукой остановил! Это 50 тонн! 50 тысяч килограммов!

— Ерунда! Ты ничего не смыслишь в физике! Формула Эйлера...

— Какой тут Эйлер! Мне сам штурман сказал: пароход весит 50 тонн. А ведь мальчик одной рукой...

— И все-таки ерунда. Дай сюда бумагу и карандаш.

Через минуту Гидролюбов вычислил:

— 10 килограммов. Да-с, дорогой племянник, 10 килограммов. Твой мальчик-силач употребил усилие в 10 килограммов, и только!

— А где же 49.990 килограммов? Ведь пароход весит 50 тысяч килограммов! Кто же остановил пароход?

— Сила трения каната о тумбу. Только сила трения. Ей и будь благодарен. Без нее мы бы столкнулись с капустой и вероятно пошли бы ко дну. И вообще без трения была бы прескверная жизнь на земле. Отвратительная жизнь!

Но тут Юрка перешел в наступление.

— Ка-а-ак? Без трения будет отвратительная жизнь? А известно ли вам, дорогой дядя, что у нас в Москве построен громадный завод «Шарикоподшипник», который изготовляет шариковые подшипники только для того, чтобы уменьшить вашу прекрасную силу трения? Известно ли вам, что машины смазываются маслом только для того, чтобы бороться с трением? Знаете ли вы, что существует специальная наука, я позабыл ее название, которая отыскивает самую удобную форму для самолетов, автомобилей, паровозов только для того, чтобы им было легче бороться с трением воздуха?

— Подожди, Юрка...

— Нечего ждать! Даже гвоздь и тот скверно лезет в стену, когда его вколачивают, потому что ему мешает трение о дерево.

— Подожди...

— Не буду ждать! Техника сотни лет борется с трением, а вы говорите, что без трения будет прескверная жизнь. Стыдно! А еще инженер! Нет, дядя, жизнь была бы прекрасной, если бы не было трения. И я был бы очень рад, если бы мы с вами жили в стране без трения.

Юрка победоносно замолчал. Группа пассажиров засмеялась, она явно была на стороне Юрки. И вот тут инженер Гидролюбов вскипел и разразился речью, которую мы привели в самом начале: о калошах, ботинках, брюках, о щенке и пьянице. Потом он убежал в свою каюту, закрылся и не выходил до самой Москвы.

Инженер Гидролюбов фантазирует

В Москве Гидролюбов не разговаривал с Юркой три дня. На четвертый день он улегся на диван, обложился своими учеными книжками, почитал, потом немного вздремнул (Юрка его ухитрился снять спящим) и проснулся в прекрасном настроении.

— Юрка, поди-ка сюда. Мы кажется повздорили с тобой на пароходе?

— Кажется... Но только сознайтесь, дядя, я был прав—жизнь без трения была бы прекрасной.

— Допустим... А знаешь что, мне хочется сейчас пофантазировать с тобой об этой прекрасной жизни... Представим себе, что здесь, в нашей комнате, совершенно исчезла сила трения. Ну-с как бы мы себя почувствовали?

— Хорошо, вероятно... легко... воздух бы нам не мешал... шкаф с книгами можно было бы легко двигать по полу... одним словом, хорошо.

— Допустим... Но давай по порядку... Мы отворяем дверь и входим в комнату, в эту счастливую комнату, где нет трения... И... грохаемся на пол.

— Почему?

— Потому что нет трения между нашими подошвами и полом. Как будто наши ботинки—это льдинки, а пол — прекрасно отполированный каток. Мы барахтаемся на полу, мы пытаемся встать, но это сделать невыносимо трудно: нет трения между нашим телом и полом. Мы кувыркаемся долго, пока в конце концов с синяками и кровоподтеками не добираемся до стула. Ты хватаешься за него, но он выскальзывает у тебя из рук: нет силы трения, и он, скользкий, как лед, как мокрая рыба, как угорь. Я пытаюсь схватиться за стол, за шкаф, за стену—то же самое. Но вот ты видишь низко вбитый железный крюк. За него можно ухватиться. Ты с трудом дотягиваешься до него, но он легко выскальзывает из стены, а потом падает на пол: нет трения, а только благодаря трению гвоздь держится в стене.

Беспомощные, покрытые синяками, мы лежим на полу. Вокруг нас опрокинутые столы, стулья, шкафы и картины, которые грохнулись на пол, потому что из стен выпали гвозди. Мы лежим среди этого хаоса и восхищаемся прекрасной жизнью без трения.

— Не смейся, дядя. Надо только привыкнуть: ведь и на льду можно ходить.

— Допустим, что каким-то чудом мы научились ходить. Мы поднялись с пола и вдруг мы чувствуем, что наши штаны сползают вниз.

— Нет, дудки, мои не сползут! Они у меня на подтяжках, а подтяжки пристегнуты к пуговицам. Трение тут не при чем!

— Сползут, Юрка, непременно сползут. Потому что пуговицы держатся одной силой трения... Ты видишь как мать их пришивает? Она делает несколько последних стежков, а потом захлестывает нитку петлей. И пуговица держится, потому что ее прочно держит сила трения нитки о материю. Тут с пуговицей делается то же самое, что и с нашим пароходом: чем больше оборотов каната вокруг железной тумбы, чем больше стежков нитки, тем прочнее будет сдерживаться пароход и крепче держаться пуговица. Но трение исчезло, нитка под тяжестью пуговицы размоталась, и наши штаны упали вниз. Мы пробуем их подобрать и вдруг чувствуем, что расползаются куртка, пиджак, галстук, разлезаются ботинки—все, что скреплено нитками, узлами, бантами. Потому что всякий узел, какой бы он ни был—обыкновенный, морской, мертвый,—держится только трением.

Итак, голые, избитые, измученные, мы добираемся наконец до обеденного стола. Здесь нас ждут котлеты и помидоры. Мы пытаемся сесть за стол. Но как мучительно трудно удержаться на скользком стуле!

Наконец мы уселись. Мы берем вилки. И вилки падают у нас из рук. Кое-как мы научились удерживать их в руке. Мы пытаемся поддеть ими котлету, поймать помидор, но это нам не удается: нет силы трения.

Рассерженные, мы хватаем котлету руками. Но котлеты, как лягушки, выскальзывают из рук и падают на пол. Тогда я не выдерживаю и громко ругаюсь. Я кричу.

— Юрка, ты балбес и балаболка!

И вдруг мой крик кто-то подхватывает. Он повторяется еще и еще раз. Он звучит с одинаковой силой через одинаковые промежутки времени. Это вызванные моим криком звуковые колебания беспрерывно отражаются от стен: эхо не прекращается, если нет трения. И нам кажется, что вся комната полна нестерпимым эхо, что кричат стены, потолок, пол, издеваясь над нами:

— Балбес и балаболка!.. Балбес и балаболка!..

Мы бросаемся вон из комнаты, мы падаем, ставим себе новые синяки и наконец накарачках вылезаем вон из этой замечательной комнаты.

Так прекрасна жизнь без трения, мой дорогой племянник.

Юрка идет в контратаку

Юрка смущен. Он не ожидал такого поражения. Но он еще не желает сдаваться. И он переходит в контратаку.

— Ну хорошо, дядя, жить без трения трудновато. Это правда. Но почему же все-таки техника борется против трения? Почему она смазывает машины, изготовляет шариковые подшипники? Почему она придумывает новые формы самолетов, автомобилей, паровозов, чтобы им было легче бороться с трением о воздух? Ведь это же факт? И потом я уверен, что если бы трение исчезло, наши самолеты, поезда, автомобили развивали бы бешеные скорости. Мы носились бы, как ветер. Правда?

Инженер Гидролюбов ничего не ответил. Он ушел в свою комнату и вернулся к Юрке через полчаса. В его руках было письмо. На конверте стояло:

„В редакцию журнала „Пионер"

Это письмо Юрка принес к нам и рассказал нам всю историю. В письме была просьба напечатать юркин рассказ, рисунки, сделанные самим инженером Гидролюбовым, и вопросы к читателям «Пионера».

1. Почему все-таки техника борется против трения?

2. Прав ли Юрка, что если трение исчезнет, то наши самолеты, автомобили и поезда будут развивать бешеные скорости?

Фамилии тех ребят, которые быстрее других пришлют верные ответы, будут занесены на «доску победителей» в № 22 «Пионера».

ЛИСТОК СЧАСТЬЯ

Американский молодой инженер Дуглас Штиммер и негритенок Майкель Бьерк по прозвищу Хеппи — приятели.

Штиммер спас Хеппи от самосуда. Потом они вместе работают на строительстве плотины. Штиммер сочувствует недовольству рабочих. В газете сообщают, что Штиммер спас негра от суда Линча. Штиммеру и Хеппи нельзя больше оставаться в Америке. Они на пароходе прибывают в СССР. Здесь Штиммер устраивается инженером на строительстве Уралхимкомбината. Хеппи знакомится с ребятами. Сильный буран причинил строительству много аварий. У воздуходувки во всех этажах вышибло окна. Ликвидировать эту аварию был послан инженер Повенцов.

Роман Сергея Григорьева

Рисунки В. Цельмер

ВОЗДУХОДУВКА ПОД УДАРОМ

Штиммеру с Михайлом Повенцовым пришлось бросить в снегу стоявшую машину и сугробами «переть» к воздуходувке.

Когда они добрались, из шести высоких, двадцатиметровых окон воздуходувки, перехваченных по этажам железобетонными перемычками, в целости было только два. Четыре с выбитыми рамами зияли золотистым огнем; от яркого света изнутри снежные всплески были похожи на космы огня, что напоминало театральный пожар.

— Надо задраить окна,—крикнул Штиммер в спину Повенцову.

— А это еще мы будем посмотреть, что надо, господин консультант,— огрызнулся Повенцов, устремляясь вперед бегом: перед высокой глыбой здания воздуходувки снег смело начисто, до голой земли, еще в прошлый буран, и теперь здесь было чисто.

Войдя в воздуходувку вслед за Повенцовым через калитку, проделанную в огромных воротах (такие бывают в паровозных депо), Штиммер увидел толпу молодых рабочих с лопатами в руках. Они яростно отгребали от котельных топок снег к наружной стене. Снег таял. У стены образовался сугроб. Видно было, что снег наметает быстрее, чем его гребут. В котельной клубился пар. По очищенному плиточному полу текли ручьи, вода наполняла приямки перед топками. Котлы временно, до перевода на угольную пыль, работают на нефти; пламя гудело в форсунках. Кафельные фасады котельной обмуровки плакали потеками талой воды. Приборы залепляло снегом, на манометрах ничего нельзя было прочесть. Из приямков воду выплескивали угольными лотковыми лопатами.

— Где Курбатов? Где старший кочегар? — закричал Повенцов.

— Ура! Михайло! Ура!—завопили рабочие, завидев Повенцова.—Штурмуем!

— Курбатова! Давай сюда Курбатова, к Повенцову!

К Повенцову, не спеша, развалочкой, подошел инженер в треухе и кожаном пальто, весь занесенный снегом. Он весело усмехнулся Повенцову и назвал себя, пожав руку Штиммеру с оттяжкой, по-американски:

— Инженер Курбатов. Пойдем, Михайло, и вы товарищ, в кабинку,—здесь нельзя говорить...

Они отправились, утопая в снегу, в угол котельного зала, к застекленной кабинке дальнометров. В кабинке стоял лицом к щиту с приборами старший кочегар Петров. Не оборачиваясь к вошедшим, он крикнул:

— Здорово! Хайдаров уж звонил, где ты Михайло.

— Я здесь...

Плотно прикрыв дверь, Курбатов предложил Штиммеру и Повенцову:

— Садитесь, покурим!

— На манометрах ничего не видно... Котлы не может взорвать?—закуривая, спросил Повенцов.

— Какое там «взорвать». Пар садится. Вот, видишь, здесь повторители. Монометры от всех котлов—беды нет, что там не видно, здесь все видать. Вот исходящее давление воздуха на главной магистрали. Вот давление на входе в каупера, а это в кольце на домне. Температуры—газов в кауперах, в трубе... Тягомер. Словом, все. Воздуху мало. Пар садится, и воздух садится.

— Топки может залить?

— Ну уж! Ты, поди, до этого не доведешь! Беда-то не здесь.

— А где же?

— А вот пойдем во второй этаж.

— Там работают?

— С лопатками. Как же!

— Идем туда сейчас!

— Погоди! Хорошо, что ветер повернул. Скоро с угла будет дуть. Зато термометр вниз пошел. Гололед—это нам «джут», как киргизцы говорят...

★

— Послушай, Штиммер,— обратился Повенцов к американцу.

— Я все время слушаю.

— Вот это мой консультант по плотинной,—об'яснил Курбатову Повенцов.— Он говорит, окна надо *задраить*...

Повенцов привычно хохотнул...

— Задраить? Чем?—приподнял вопросительно брови Курбатов.

— Штанами!—воскликнул Повенцов и снова подавился своим язвительным смешком.

Штиммер взглянул на Повенцова внимательно и понял, что Михайло прибегнул к обычному своему приему оттягивать время, когда он решает неотложную техническую задачу или взвешивает внезапно блеснувшую мысль...

Штиммер спокойно обратился к Курбатову:

— Вы говорите по-английски?

— Вполне свободно.

— Отлично... Ведь это ясно, что окна надо задраить?

— Конечно. Иначе надо погасить форсунки. И тогда неизбежно посадим козла. Я только ждал Михайло. Вопрос—чем задраить?

— Запасных рам нет?

— Разумеется. Брезенты есть, но если железные переплеты не выдержали? Кстати, сударь, они были рассчитаны *по американским* нормам на давление ветра. Ветреные связи были предусмотрены...

— Сюда нейдут очевидно американские нормы. Вообще сухопутные. Тут необходимо применять океанские нормы на совместный удар ветра и волны.

— Возможно. Мы можем взять брезент на подрамник из реев, деревянный щит. Ведь он будет стоять до тех пор, пока не решится судьба этих окон?!

Глаза Курбатова заискрились:

— Вот именно!

— Итак, задраить до лета. Я предполагаю сегодня же поставить постоянный щит на каждое окно.

Пока шел этот разговор, Повенцов сидел, закинув за голову сплетенные руки и сдвинув шапку на маковку. Шапка постепенно спадала на лоб, закрыла ему глаза. Повенцов поправил ее, крепко нахлобучив, встал, вышел за дверь и свистнул, вложив два пальца в рот...

— Эй, братва! Кончай копаться. С лопатами—все во второй этаж. Ну-ка сюда, ко мне. Два десятка к этим воротам и к тем. Открыть ворота настежь... Устроим сквознячок! Не простудимся! Ха-ха!

В кабинку к Курбатову вбежал подручный кочегар с испуганным лицом:

— Матвей Михайлыч! Повенцов рехнулся—ворота велел раскрыть.

— Что же, раскрыли?

— Отгребли. Раскрывают.

— Хорошо. Если он велел, то так и надо. Ты на каком котле вахтишь?

— № 5.

— Как же ты с вахты ушел. Ступай к котлу!

Оторопев, подручный ответил:

— Есть!

Повернулся и в двери столкнулся с Повенцовым.

— Что, выметает?—спросил Курбатов.

— Выдувает снег сквозняком начисто, и в окна меньше бьет.

— Браво, Михайло, гениально! Только ты смотри не заморозь нас совсем. Послушай, что мы тут хотим тебе предложить с мистером Штиммером.

— Слыхал!—отмахнулся Повенцов и снял телефон с рожков.

— Дайте старое управление. Да. Повенцов. Старое управление. Да. Хайдаров, ты? Да ничего? Дело на мази! «Сам» там? Погоди о домне. Слушай, где по расписанию плотник Валаев со своей бригадой? Ясно. Мой плотник с плотины. Где? Снег вывозят? Ага! А сколько у них платформ? Так. Вели сейчас именем «самого» всю бригаду сюда... Сколько? Сто тридцать человек? Хватит. И паровоз непременно. Ясно. Пусть сейчас, ни секунды не думая, снег долой. Сами все грузятся — и на лесной склад номер 17. Да, над прудом. Там есть шпунтованная двухдюймовка. Шпунтованная! Ну, доски вершковые, понял?

Ладно. Сколько нужно? Это я спрашиваю Курбатова... Тысячи полторы? Не меньше тысячи! Слышишь, Хайдаров? Скажи Валдаеву: шить щиты на окна. Пусть сообразит. Гвозди! Скобы! Ершики, ершики, чтоб не забыли. Инструмент. Пилы. Пилы, главное, и топоры. Гвозди? Он знает.

— Шлямбура,— подсказал Курбатов.

— Стой! Шлямбура! Шлямбура! — Сколько найдет. Больше ничего. И все сюда. Ко мне!.. И чтоб там не бузили! На складе. Да. Хорошо. Пока!

Повенцов ткнул трубку на рожки, повернулся и воскликнул:

— Это что за физиономия?

В двери, широко оскалясь и сияя лаковым мокрым лицом, стоял Хеппи...

— Как ты сюда попал, парень? — спросил Штиммер по-английски.

— Очень просто. Я подходил, узнав, что ты здесь, я долго искал тебя, Дудди. И передо мной вдруг распахнули такие огромные ворота, что мне было даже неловко в них войти.

— Такой почет! Я почувствовал, что я прямо локомотив! Ясно, меня здесь ждали. Или нет?..

— Можно парню остаться? — спросил Штиммер Повенцова.

— Это твой? Ладно. Только не соваться зря, ефиоп.

— Ефиоп? Очень приятно,— воскликнул Хеппи.— Поверьте, сэр Майкель Бьерк ничего не «зря». Никогда не «зря». Будем знакомы, мистер Ефиоп! Я Майкель Бьерк. Я уже сказал.

Хеппи энергично потряс, поймав руку Повенцова.

КОЗЕЛ В ДОМНЕ

— Мы с Штиммером наверх к турбодувам, пока не прибудет состав с народом,— распорядился Повенцов.— Матвей Михайлович, дежурь здесь. Держи связь с Хайдаровым.

— Ладно. Ступай,— ответил Курбатов.— Ты обрати внимание на второй агрегат — он первый попал под удар. Включить его нельзя.

— А мне? Мне тоже можно наверх?—спросил Хеппи.

— Нет, мы тут с тобой побеседуем,— ответил Курбатов. Инженеры ушли.

Курбатов и Хеппи некоторое время молча рассматривали друг друга.

— Куришь?— Курбатов протянул Хеппи раскрытую коробку папирос.

— Джентльмен с бородой сердито закричал на меня

— О, сэр! Как вам сказать?! Вчера я окончательно бросил это дело. Ведь курить очень вредно! Но подождите, сэр, прятать коробку в карман. Сегодня такой трудный день, для всех трудный, сэр. Я думаю, можно выкурить одну? Сделаем исключение. Я выбился из сил. Благодарю вас, сэр. Надеюсь, это экспортные сигары?

— Что же ты делал, что так устал?

— Что делал?! Что делают все: я боролся со снежным ураганом.

— Ага! А как же именно ты боролся?

— Сначала, услыхав тревогу, мы, позволю себе выразиться по-русски, *перли* с Алешкой по заносам и когда «доперли», то уже никуда не годились. Нам оставалось одно — смотреть. Я очень люблю смотреть, сэр, конечно только когда я окончательно выбился из сил, в других случаях я работаю, как все. Раз аврал, все должны работать. Но тут я увидел, что не надо «зря». Майкель Бьерк не любит что-нибудь делать «зря», — это вам уже известно! «Не надо, Майкель, «зря», — сказал я себе,—болтаться под ногами у людей, когда они делают серьезное дело». А дело было очень серьезное! Именно: они собирались посадить *козла* в печь.

— Ага, ты был значит у домен. Ну-ка, расскажи, что там.

— Вас интересует *козел,* сэр? Но еще до *козла* было кое-что не менее интересное...

— Рассказывай все по порядку.

— К сожалению, сэр, мне многое осталось непонятным. Дело в том, сэр, что Алешка только учится по-английски, он не мог мне даже толком об'яснить, зачем будут сажать в домну козла. Это колдовство, сэр? Они хотели принести в жертву козла? Чтобы умилостивить снежный ураган? Я знаю, сэр, что русские были дикари пятнадцать лет назад. Но теперь? Ведь теперь это совершенно отменено?

— Разумеется.

— Я думаю, что так. Ну вот. Мы сначала увидели, что очень много народу сгребает снег с путей, чтобы дать возможность двигаться к домне вагонам с углем.

— С коксом.

— Благодарю, сэр. Это был именно кокс. Алешка ошибся, а Майкель Бьерк так и решил: это кокс. Там люди были очень молодые. И среди них старые, с бородами, сэр. Молодые все время пели песни, невзирая на снег и ветер. Боюсь, что они к утру потеряют голоса. Старые джентльмены не пели песен. У них бороды были совсем забиты снегом. Все стали стариками, с седыми бородами. В этом климате, сэр, следует всем бриться. Всем, как вы например. Я тоже не ношу бороды, потому что она у меня еще не выросла. Старые джентльмены были свободные от вахты ИТР,—что это, я не знаю. Это сказал Алешка, они должны доказывать, что не гнушаются никакой работы. Я увидел, что нахожусь среди джентльменов и тоже должен показать, что не гнушаюсь простым трудом. Но один джентльмен с бородой сердито закричал на меня совершенно по-русски, я не понял ни слова. Я продолжаю кидать снег, хотя это высоко для меня, на платформу. Я больше пылил. Но ведь, сэр, и цель моя была не столько чистить, а показывать, что мету! Тогда этот джентльмен ударил меня лопатой по спине... Плашмя конечно. Я из вежливости — надо было показать, что удар был хорош, — ткнулся носом в сугроб и решил оставить это дело. Затем мы с Алешкой перешли к самой домне. Здесь, сэр, идет такая кутерьма, что на нас с Алешкой никто не хотел обращать внимания. Я заметил еще несколько юных джентльменов, занятых тем же делом, как и мы с Алешкой. Майкель Бьерк, сэр, не хотел дать повода думать, что он болтается «зря». Майкель Бьерк принял независимый вид иностранного туриста и предпринял изучение некоторых машин. К сожалению начальник цеха и все инженеры были заняты *козлом* и не могли давать мне об'яснения. Они еще все жаловались на воздух. Им нехватало воздуха. Хотя право, сэр, воздух кругом отличный. Даже слишком много воздуха, сэр. Он дул со всех сторон. «Ага», — кричал он на разные голоса,— вам мало воздуха? Так вот вам. Так вот вам еще». И он дул во все щеки! Затем они очень боялись, что остановится скип. Это под'емная машина, сэр, не так ли?!

— Совершенно верно, мистер Бьерк...

— Я так и решил, сэр. Я отправился осмотреть скип. Может быть я чем-нибудь мог быть и тут полезен. Скип забивало снегом точно так, как бороды у старых джентльменов. Но здесь работали одни молодые. Они лазили, словно обезьяны, по наклонному мосту, кричали, хохотали, падали, лезли опять и сбивали снег... Но снег все прибывал, и вагон со скрипом едва подымался... Он мог застрять. А начальник домны, насколько я мог понять, находил, что нехватает не только воздуха, но и кокса. В Америке тоже бывает снег. Вы, сэр, как инженер наверное слышали про моего однофамильца Бьерка.

— Как же. У вас на железной дороге везде работает снегоочиститель Бьерка. Это ваш родственник?

— Нет. Впрочем может быть мы состоим в дальнем родстве. Я упомянул об этом совсем дальнем родственнике затем, чтобы, когда так много снега, лучше иметь в запасе нечто вроде снегоочистителя и пускать в работу в такие дни, как сегодня. Я видел, одного унесли на руках. Это опасная работа, сэр. Домна очень высока, сэр. Когда смотришь на вершину, шапка сваливается с головы. Снегоочиститель здесь был бы лучше.

— Ваша мысль мне нравится, мистер Бьерк. Я доложу о ней кому следует.

— О! У меня не одна эта мысль. Мне пришло в голову, сэр, что было бы полезно закрыть под'емную машину со всех сторон от снега.

— Взять ее в трубу?— переспросил Курбатов без тени улыбки.— Это уже предлагалось. Во всяком случае, если это мысль ваша, то это делает честь вашей технической сметке. У вас здоровая голова, мистер Бьерк, и из вас выйдет инженер не хуже, чем... ваш, гм, гм, родственник.

Хеппи расцвел. Посмотрел испытующе в глаза Курбатова, вздохнул и сказал:

— Да, бабушка Бекки,—вы ее не знаете, сэр, она сказала бы: «Ох, Хеппи, как ты быстро идешь в гору. Но помни, милый мальчик, чем выше гора, тем опаснее с нее катиться». Забавная старушка, сэр, не правда ли?

— Полагаю, что она не глупа.

КАВАРДАК

— Благодарю вас, сэр... Это моя бабушка. Я вижу, вы человек вполне серьезный. И я просил бы без шуток, об'ясните мне, зачем сажают *козла.* Они там долго кричали, но почему-то решили—я так и не дождался—не сажать козла, а сварить в печи. Тут, сэр, опять трудное русское слово — сварить ка... кавар...

— Кавардак?

— Совершенно верно, сэр. Именно они решили не сажать в печь козла, а сварить в ней кавардак...

Курбатов рассмеялся.

— Знаете, сэр, вы мне нравитесь,—продолжал болтать Хеппи.—Я люблю серьезных людей. Мы будем с вами друзьями. Не зовите меня больше мистер Бьерк, а просто Майкель или еще лучше Хеппи. Так все меня зовут.

Хеппи прятался за больших от ветра

— Отлично, Хеппи. Видишь ли, посадить козла—это скверное дело! Дело обстоит так. Если горение в домне сильное, пылкое, говорят, что домна идет *горячим ходом,* если горение слабо, говорят — *сырой ход.* Еще хуже, когда нехватает воздуха, домна стынет, говорят — домна идет «*стылым ходом*». Если сплошать при стылом ходе, дело может обернуться совсем плохо — чугун застынет в горне. Это и есть козел. «Посадили козла». Домна вышла из строя. Козла приходится выбивать из горна. Значит надо домну выдувать, засыпая один кокс, охладить совсем, ломать горн, выламывать козла, а потом снова класть горн и задувать домну сначала. Перерыв на месяц по крайней мере. Словом полный скандал. Посадить козла и в маленькой домне—беда, ну, а у нас—катастрофа. Домна наша у всей страны на учете.

— Но если решили варить кавардак, то козла уже не будет?

— Можешь не беспокоиться, Хеппи.

— Отлично! Я очень рад. Я видел, что и они успокоились, хотя и не совсем. Теперь я понял, что все зависит от вас, сэр. Дадите ли вы им воздух, чтобы сварить кавардак? Варить кавардак, насколько я понял, тоже не совсем приятно. Это скверное кушанье?

— Видишь ли, кавардак — это скверный, неудачный сорт чугуна. Это еще полбеды, ну двести-триста тонн хлама, все-таки лучше козла.

— Когда я узнал, что теперь дело зависит от вас, я побежал сюда. Алешка отстал. «Туда не пустят. Там у калитки часовой». Когда я подбежал — это верно: часовой не хотел меня пускать, но тут распахнулись ворота, снег закружился. Ничего не видно. Я юркнул. И вот я здесь.

Где-то близко раздались отрывистые вскрики паровоза.

— Это наверное состав с плотниками и материалом,— заметил Курбатов.— Мы начнем заделывать окна... Кавардак пожалуй сварим. Ну, а козла теперь, ручаюсь, не будет.

ХЕППИ В РОЛИ КОНСУЛЬТАНТА

Плотничья бригада, разбившись на шесть групп, готовила щиты. Решили закрыть заодно и уцелевшие окна. Буран не терял силы. Ожидание, что он опишет круг «по розе ветров», не оправдывалось. Буран застрял на юго-юго-западном румбе и продолжал метать снежную шрапнель. Температура продолжала повышаться. Было уже за полночь. Бригадир Валдаев, Повенцов, Штиммер и Курбатов решали задачу, как поставить на место щиты. По высоте здания окна воздуходувки расчленены на уровне межэтажных перекрытий перемычками. На каждое окно приходилось по четыре щита. Относительно самых больших окон — первого самого высокого этажа (котельной)—спора не было: щиты сбивали снаружи на ветру — на выметенной метлой бурана площадке. Когда щиты сготовят, предполагали поставить щиты торцом на подоконник, поднять по ветру, ветром и поставить на место в пролет окна. Тогда изнутри можно раму раскрепить.

Труднее со вторым этажом — залом турбодувов. Пожарные и штурмовки не доставали до перемычки второго этажа на уровне пола. Подмащиваться снаружи было некогда, да временные подмостки не выдержали бы напора ветра: удары шторма были сильны, доски парусили так, что сбивали с ног, когда их поднимали.

— Держи в разрез ветра,— научил Валдаев,— в первый раз, что ли...

Но и этот совет мало помогал: ветер перед фасадом воздуходувки взмывал пробоем, словно море перед скалой, и трудно было угадать, куда он хватит через мгновенье.

Завести щиты изнутри второго этажа было немыслимо по той же самой причине. Шить щиты налегке, собирая доску к доске, начиная снизу, тоже заняло бы много времени, давление воздуха в пустых пролетах менялось так резко, что на подоконнике нельзя было стоять, не держась обеими руками за обрывки железных рам, заделанных в стену: эти обрывки железных уголков, ощеперясь ершом, не позволяли завести раму изнутри, а срубать их, или стягивать, или перещипать огнерезом не было времени.

— Придется заводить и во втором этаже снаружи,— решил Повенцов.

— Это не так просто,— подал голос Штиммер,— не достать. Есть у вас близко деррик на гусеничном ходу?

— Не дойдет по такому снегу. Опрокинет, если не застрянет. Знаешь, что, Штиммер, я думаю... Была бы молька с мольки, Курбатов, есть за что крепиться на крыше...

— Отчего же. Я думаю балюстрада выдержит.

— Армированная?

— Конечно!

— Тросы с блоками есть?

— Валяются в углу котельной, — просил взять, и

хорошо, что не взяли. Пеньковые, файловые. Две пары. Подходя, Валдаев, пошли народ на крышу, возьми тросы, крепите блоки к баллюстраде по вершинкам окон. Концы сюда.

— Есть!

Хеппи был тут же. Он старался держаться с подветренной стороны, он прятался за больших от ветра, засунув руки в рукава, вобрав голову в плечи, и ждал случая высказать и свое мнение.

Визжали пилы, стучали топоры. Плотники работали, ползая по земле накарачках, и ругались на чем свет стоит.

Удары ветра делались столь сильными, что и взрослым, стоя на ногах, приходилось то и дело хвататься друг за друга. Руки Хеппи костенели в рукавах... Курбатов крикнул:

— Эй, ты, мой консультант, марш в кабину. Там тепло.

— Я туда? — ответил, стуча зубами, Хеппи,— а вы здесь. Ну нет, сэр, Майкель Бьерк не из таких.

— Ступай, Хеппи,—прикрикнул Штиммер.

— Прошу не командовать, я вам не подчинен, товарищ.

— Мистер Бьерк, прошу вас,—крикнул Курбатов, склоняясь к Хеппи,— сходите в кабину, изучайте, как держится пар и возвращайтесь, доложите.

— Это другое дело. Я иду, сэр, исполнить ваше поручение. Однако это не так просто!—прибавил он,— надо взять рифы и поставить штормовые паруса. Попробуем, мистер Бьерк.

КОНСУЛЬТАНТ ПОПАЛ НА РИФ

Хеппи отплыл. Несмотря на все принятые им меры, ветер погнал его прямо к фундаменту воздуходувки. Буран дул теперь густою непрерывною струею. Снег перестал валить, редея.

Хеппи запнулся о доски, упал и на четвереньках добежал до стены, ткнувшись головой о стену, он закричал:

— Очень просто! Попал на риф! Мы выбросились на берег, джентльмены. Вы можете там хохотать сколько угодно, но это было именно наше намерение. Кажется, пробоина невелика. В трюме — гм, есть вода, но не так уж много. Вставайте на ноги, мистер Бьерк. Не беда, если у вас на голове вскочила шишка.

Хеппи встал на ноги и с большим облегчением почувствовал, что ветер плотно прижал его к стене.

— Мы стоим на рифе очень прочно. Можно даже не бросать якоря. Мужайтесь, мистер Бьерк, мужайтесь! Ого!

Хеппи подвинулся в сторону. Отрезанный пилой конец доски, кувыркаясь и прыгая, подлетел к стене, ударился рядом с парнем, подпрыгнул, шлепнулся плашмя и словно пристыл к стене.

Хеппи пнул доску ногой. Ветер тянул так ровно, что доска держалась словно приклеенная и только после второго пинка ногой свалилась наземь.

— Дудди, Дудди,—завопил Хеппи.—Товарищи. Мистер Курбатов. Сюда, здесь очень хорошо. Здесь можно стоять.

К нему подошли все трое и встали, прислонясь к стене, к ветру лицом. Все трое молчали, отдыхая.

Стуча зубами, Хеппи лепетал:

— Мистер Курбатов. Еще одна мысль Майкеля Бьерка. Третья мысль за эту ночь, сэр.

— Это уж много, Хеппи.

— Я полагаю, что это от шишки, которая только что вскочила у меня на голове.

— Ты больно ушибся, парень?

— Нет, сэр, не очень. Это выяснится потом. Будьте любезны, подымите этот обрезок. Я сделал бы это сам, но у меня руки сделались чужие. У меня не действуют пальцы...

— Ты обморозился! Ну, консультант, марш сейчас же в котельную и — руки в ведро с холодной водой.

— Это не так просто, сэр. Я прочно стал на риф. Да это и не важно. Прошу вас, сэр, не медлить. Возьмите этот обрезок и прислоните его к стене. Ну что?

Курбатов поднял доску и приложил ее к стене. Доска прилипла.

— Ого!

— Да, сэр. Вы чувствуете, и вас тоже жмет к стене. Эта мысль Майкеля Бьерка. Прошу, товарищи, запомнить...

— Здорово!—воскликнул Курбатов.—Повенцов, смотри!

Доска упала, Курбатов поднял ее и снова приложил повыше фундамента к гладкой стене: доска продержалась на месте с полминуты и свалилась. Приложив ее еще раз, Курбатов сдвинул в сторону, она пошла, держась под напором ветра, но отколупнул ее Курбатов от стены с усилием.

— Остроумно, а как просто!— крикнул Штиммер.— Хеппи мой, Хеппи.

— Очень просто, Дудди.

— Да, просто.

— Ты никак, Дудди, парню позавидовал,— буркнул Повенцов.— Ну, мистер Бьерк, айда!

Это не очень просто, товарищи. Попробуем...

Хеппи снялся с рифа и ткнулся ничком. Попробовал подняться и не мог. Силы оставили его.

Курбатов и Штиммер подняли Хеппи и понесли вдвоем, держась стены, в котельную.

— А парень тяжеленек!— сказал Курбатов.

(Продолжение следует)

Ну, а козла сейчас ручаюсь не будет

ГИБЕЛЬ „РУСЛАНА“

Рассказ сигнальщика с судна „Руслан“ т. БЕКУСОВА

Рисунки Н. КУПРЕЯНОВА

— Когда обмерзший «Руслан» накренился на 25 градусов, мы еще ничего не поняли. Кочегары в кубрике гонялись за оторвавшимися вещами, хохотали. Вдруг сразу в двери хлынула вода. Тогда выскочили из кубрика наверх. Увидали, что борт, спардек и снасти уже обледенели, схватили лопаты и стали скалывать лед.

Ветер бушевал страшно. Капитан повернул судно по ветру и дал полный ход. Судно выпрямилось, и вода ушла с палубы. Но было еще много работы: надо было вычерпать воду из кочегарки, убрать лед, шлак, мусор. Работали, как черти, хотя «Руслана» бросало как щепку. Потом пошли все в кубрик, наша кают-прислуга дала горячую еду. Все развеселились, начали шутить, смеяться. Вдруг вошел штурман Точилов. Он был у нас самый старый, ему было 36 лет, а всем остальным лет по двадцати.

— Чего расшумелись, ребята! Надо быть посерьезнее, опасность еще не миновала.

Но на него никто не обратил внимания.

25 апреля, часов около девяти вечера, т. е. через 27 часов после выхода «Руслана» в море, против кочегарки появилась течь. Дело плохо! Помпы одна за другой вышли из строя. Стали мы опять вычерпывать. Но одно дело вычерпывать воду, нахлынувшую сверху, а другое — ту воду, которая все время прибывает снизу. «Руслан» заметно погружался. Пришел механик Меньжиков.

— В машинном сломана переборка. Появилась течь.

Ну тут уж всем нам стало ясно, что судно пропало. Я поглядел на океан. Никаких берегов, ходят гигантские белые валы, дует ледяной норд.

— Готовить шлюпки! — отдал приказ капитан.

«Ну где уж тут спастись в шлюпках!» — так думал каждый, но все-таки пошли за шлюпками. А я совсем решил на все махнуть рукой. Пошел в кубрик, лег, думаю: «Постараюсь заснуть и так во сне затону вместе с судном».

Тут в кубрик пришли кочегары Коля Иванов и Гриша Сальников. Сальников запел развеселую частушку. Переменили они белье, натянули полушубки, все время пересмеивались и шутили, как будто в клуб на вечер собрались.

— Ну, — говорят, — пойдем загибаться!

«Загибаться» по-нашему, по-морскому, значит тонуть. Остался я один. Тоскливо так стало. Не хорошо, думаю, лежать здесь на боку, как будто я калека. Товарищи все наверху, возле шлюпок. Пошел и я, стыдно мне стало. Решил попытаться спастись. И такого решения держался уж до последней минуты.

Уже многие сидели в шлюпках. Ребята все деловито работали, никто не распускался. Шура бросала в шлюпку сухари. Штурман Точилов был очень бледен, все бормотал:

— Вы холостые, а у меня семья.

Шура на него крикнула:

— Герасим, не расстраивайся! Сейчас всем будет одинаково.

Штурман взял себя в руки. Начал собирать все

Цена 25 коп.

необходимое, не забыл ни одной мелочи: ведро, топор, спички, компас, одеяла.

Судно погрузилось уже так глубоко, что первая шлюпка сошла в воду прямо с верхней палубы. В нее сели боцман, Шура, радист и шесть матросов. Во вторую шлюпку сели остальные тринадцать человек, в том числе я и штурман Точилов. Я вспомнил, что в салоне кто-то забыл пальто, и вернулся за ним, чтобы надеть поверх полушубка.

Штурман предложил поставить шлюпку по ветру. Капитан согласился.

— Так мы подойдем к берегу. Он должен быть милях в пятнадцати.

Капитан лгал, чтобы подбодрить команду. На самом деле, идя по ветру, мы уходили от берегов Шпицбергена. Но против восьмибалльного шторма шлюпка не могла бороться. Сразу нас залило большой волной, мы ее быстро вычерпали, иначе вторая волна нас потопила бы.

В течение двух суток, пока продолжался шторм, воду приходилось непрерывно вычерпывать. На веслах менялись гребцы. Грести было трудно, волны рвали весла из рук, но гребцы пели песню «По морям, морям...». Песня смешивалась с воем ветра. Океан неистово бушевал. Штурман командовал:

— Правые весла — табань, левые — на воду.

— Ничего, ребята, спасемся,— говорил он,— мне не впервой!

Штурман Точилов тонул уже несколько раз. Однажды даже на этом самом «Руслане». И теперь он нам рассказал этот случай. Мы слушали внимательно, хотелось верить каждому рассказу о спасении.

Ветер замораживал людей. Точилов сделал плавучий якорь, и шлюпка стала немного устойчивей. Замерзли механик и матрос Никашка. Заснули и не проснулись. Тогда я предложил повернуть к острову Медвежьему:

— По крайней мере войдем в теплое место.

— До Медвежки итти не меньше десяти суток, не выдержим, — сказал штурман.

Я подумал про себя, что если я не буду спать, то десять суток я могу выдержать даже не евши. В то время мы думали, что идем на Шпицберген, на самом же деле нас несло к берегам Исландии. Компас наш врал, не запинаясь.

На третьи сутки все наше продовольствие кончилось. Сухари так намокли и просолились, что застревали в горле. Хлеб смыло волной еще в первый день.

Спасались мы сосульками, которые выбирали друг у друга из волос, из полушубков. Было пятнадцать градусов мороза при сильном ветре. Мороз проникал ветром за пазуху, леденело усталое тело. Хотелось закрыть глаза, бросить все, отдаться дремоте. Но как только я чувствовал, что становится теплее, я начинал стучать ногами, схватывал какую-нибудь работу, двигался, кричал на других:

— За весла, дьяволы! Работай! Нам балласта не нужно! Сейчас спишу за борт.

Старался расшевелить других, чтобы не дать замерзнуть. У меня, как у сигнальщика, очень острое зрение, поэтому мы с Точиловым придумали кричать:

— Берег видим! Вон он, там. Нажмем, ребята!

Сначала это удавалось, ребята энергично брались за весла, но потом уже никто не верил, когда мы кричали:

— Земля близко!

Отвечали:

— Под нами близко.

Один за другим замерзло еще несколько человек. Тогда я, Точилов и матрос Миша Попов сделали из простыни парус, а из весла мачту. Шлюпка пошла быстрее. На горизонте выросли две белых сверкающих горы. Точилов задохнулся от радости:

— Горы! Земля!.. Ребята!!.

Оставшийся в живых машинист Воронцов вырвал у Попова весло, стал сильно грести. Я всмотрелся в горы; вижу — у одной горы сползла верхушка. Значит не горы это, а облака. Промолчал, никому не сказал, чтобы не бросили грести. Но скоро все сообразили, что это за горы.

Умер и Воронцов. Мы трое, оставшихся в живых, поделили вахту — по 15 минут каждый. Я придумал опускать ноги в воду и выдергивать их, а потом растирать. Мне казалось, что это предохраняет от замерзания. Потом я заметил, что штурман несет вахту вдвое дольше других, но на пятые сутки и точиловской выдержки нехватило.

— Андрюша, — сказал он мне, — я работать больше не могу. Как увидишь, что задремал, — буди.

Миша Попов тоже попросил об отдыхе. Я подумал, что может быть скоро останусь один в океане. Стал совать в рот штурману и Попову сосульки. На шестые сутки вытащил карандаш, попробовал водить по парусу, чтобы написать о гибели «Руслана», но пальцы одервенели, не слушались.

— Андрюша, обернись, какой-то шум слышен. Вроде мотопомп, — простонал Точилов.

Я уже и сам давно слышал этот стук, но не оборачивался, думал, что мерещится. Но стук все усиливался, а Точилов приставал, чтобы я обернулся. Тогда я обернулся и увидел мотопарусный бот. Это был «Рансель». Он нас подобрал. Нас приняли очень сердечно и очень о нас заботились. Только зачем в норвежских газетах писали, что руслановцев подобрали в беспамятстве? Неправда это. Я стоял в шлюпке, когда пристал бот, и сам добрался до салона. А когда мне дали четверть стакана молока, то я отпил только половину, потому что боялся сразу выпить больше. А они говорят — в беспамятстве.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 3 X—33 г., подписан к печати 25 X—33 г. Изд. № 847 Формат 1/8 62×94 см. 1 б. л. 10.000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита В—62871 Типография газ „Правда", Москва, ул. им. Горького, 48 Заказ № 2406 Тираж 33.750